

I. ROZPRAWY I ANALIZY

DOI: 10.17951/et.2024.36.237

Alla Kozhinowa

Instytut Języka Polskiego PAN, Kraków, Polska

ORCID: 0000-0002-5498-7037

e-mail: kozhinstar@gmail.com

Родина в библейских переводах XVI в., созданных на территории Речи Посполитой и Великого княжества Литовского

HOMELAND in 16th-century Biblical Translations from the Territory of Poland and the Grand Duchy of Lithuania

Abstract: The article presents an analysis of the concept of HOMELAND in 16th-c. Biblical translations produced on the territory of Poland (the late period of the Jagiellonian dynasty and early Polish-Lithuanian Commonwealth) and the Grand Duchy of Lithuania. Those include translations into Polish: the Catholic Leopolita Bible (1561) and the Jakub Wujek Bible (1599), the Protestant Radziwiłł or Brest Bible (1563), the Arian translation by Symon Budny (the Nesvizh Bible) (1572), as well as into Church Slavonic: the Ostrog Bible (1580–1581) or a hybrid translation by Francis Skaryna (1517–1519). It is argued that despite religious and linguistic differences, Biblical translations reveal a large number of similarities. Based on the analysis of these similarities, it can be assumed that the 16th century was a turning point in the development of the concept of HOMELAND, and its formation in the modern understanding was influenced, in different ways, by both the New and the Old Testament.

Keywords: HOMELAND; Biblical translations; 16th century; Poland; the Grand Duchy of Lithuania

1. Введение

Понятие родины в русском (Telija 1999; Perevoznikova 2019) и польском (Fryckowski 1998; Bartmiński 2014) языках уже подвергалось рассмотрению, в том числе в сравнительном аспекте (Bartmiński,

Sandomirska, Telija 1999; Wierzbicka 1999). Опубликовано также представление сущности этого понятия в белорусском языке (Rudenka 2023). Однако история его становления зачастую занимает лишь часть исследования или рассматривается параллельно с историей иных понятий (Legomska 2010). Все это делает актуальными исторические наблюдения в этой области. Рассмотрение понятия родины в библейских переводах XVI в., созданных на территории Речи Посполитой и Великого княжества Литовского, представляется сложным, но чрезвычайно интересным по нескольким причинам.

Первая причина – территориально-языковая. Как отмечала Анна Вежбицка, рассматривая лексические единицы со значением ‘родная страна’ в польском, немецком и русском языках, многие языки, и прежде всего европейские, содержат подобные лексемы, однако они не полностью эквивалентны и взаимозаменяемы (Wierzbicka 1999). В данном же случае к языковым различиям, которые касаются как переводного, так и оригинального текста, добавляются различия конфессиональные, поскольку речь в статье пойдет о Библии Леополиты, Библии Сымона Будного, Радзивилловской Библии, Библии Якуба Вуека, Острожской Библии и Библии Франциска Скорины, то есть о текстах, созданных на разных языках (польском, церковно-славянском, гибридном варианте (церковно-славянском с элементами „простой мовы”)) и переведенных с разных языков (как древних – древнееврейского, греческого, латыни, так и современных переводчику (если принимать во внимание чешскую Библию как основной источник библейского текста для Скорины)), а также в разных вероисповеданиях (арианском, протестантском, католическом, православном).

Вторая причина – темпоральная, поскольку речь пойдет о текстах XVI в., периода, когда понятие родины не сформировалось еще окончательно в европейских языках, не говоря уже непосредственно о языках славянских. Кроме того, в основе рассматриваемых переводных текстов лежит оригинал, отделенный от времени перевода несколькими тысячелетиями, следовательно, транслирующий еще более архаичное представление о родине. Однако, как представляется, именно материал библейских переводов этого периода может продемонстрировать одну из начальных точек формирования данного понятия в славянских языках.

2. Переводы Священного Писания на польский язык

В истории польского языка XVI в. чрезвычайно показателен – именно тогда языковая система испытывает сильнейшее влияние, связанное

с появлением и распространением печатных книг, среди которых важное место занимают полные переводы Библии – католические Библия Леополиты (1561) и Якуба Вуека (1599), протестантская Радзивилловская или Брестская Библия (1563), арианский перевод Сымона Будного (Несвижская Библия) (1572). Кроме того, этот период считается золотым веком истории, когда польско-литовское государство было одним из крупнейших государственных образований Европы и обладало политической и экономической мощью, что, безусловно, не могло не влиять на его восприятие образованными членами социума и, как следствие этого, на формирование соответствующих представлений о родине.

Современное основное, но исторически производное, значение польск. *ojczyzna* ‘kraj rodzinny, miejsce rodzinne, *patria*, *terra patria*’ фиксирует уже *Słownik staropolski* (SStp V 1965–1969: 548–550), однако употребления этого лексико-семантического варианта менее частотны по сравнению с тем, который содержит значение первичное – ‘отцовское наследство’. Но уже в SPXVI именно варианты с семантикой ‘родная земля, страна происхождения’ количественно выходят на первое место (SPXVI. Wersja elektroniczna 2). О том, что такое представление было не только отражено в текстах, но и вошло в языковую систему, свидетельствует дефиниция слова *patria* в латинско-польском словаре 1532 г. авторства Бартоломея из Быдгоща: „*Patria*, locus, in quo quis natus est, *oiczyzna*, *mieysce urodzenya*” (BartByg), хотя обнаруживаются и рекомендации, подобные высказанной Лукашем Гурницким: „*Patria* jest łacińskie słowo; moim zdaniem lepiej uczyni, kto mówiąc o Polsce, rzecz *Patria moja*, niżli *ojczyzna moja*, bo *ojczyzna* częściej się rozumie to, co gruntu komu oćiec jego zostawił” (Górnicki 1969: 67). И только уже в XVII–XVIII в. это слово *ojczyzna* имеет уже преимущественно значение, совпадающее с основным современным (Gałęcki 1982–1983: 46).

Можно предположить, что именно XVI в. мог в большой степени повлиять на развитие в семантике слова *ojczyzna* представлений, которые впоследствии могли быть поддержаны „результатом перевода на национальные языки идей европейского просвещения и романтизма, то есть идей обще(западно)европейских” [перевод мой – А.К.] (Bartmiński, Sandomirska, Telijska 1999: 27), а само понятие „приобрело особое значение, возведенное в ранг национального sacrum, в эпоху разделов Польши, в период неустанных и безрезультатных попыток вернуть утраченную независимость, во время драматичных восстаний, которые не принесли желаемую свободу” [перевод мой – А.К.] (Uździcka 2016: 262).

В польских переводах Ветхого Завета, относящихся к XVI в., *ojczyzna* чаще всего переводит синтагмы, в которых главным словом выступает

др.-евр. אָרֶץ, обладающее чрезвычайным семантическим синкретизмом: ‘земля; вся земля (в отличие от части); земля (в отличие от неба); земля (жители), страна, территория, район, область; племенная территория; земля Ханаанская, Израиль; Шеол, земля без возврата, (под)мир; поверхность земли, пространство или расстояние’ (Blue letter Bible. Electronic resource 1). Из-за такого синкретизма тех контекстах, когда речь шла о так называемой „малой родине”, под которой понимается „страна, с которой человек связан происхождением, конкретное место рождения, в котором провел всю жизнь или значительную ее часть” [перевод мой – А.К.] (Fryckowski 1998: 111) лексема אָרֶץ выступала в составе синтагмы, где ее дополнял зависимый компонент, уточняющий ее семантику, например, Быт. 11.28 – אָרֶץ מוֹלְדָּתוֹ ‘в землю его рождения’ или Быт. 31.3 אָרֶץ אֲבוֹתַי ‘в землю твоих отцов’. Именно так эти фрагменты представлены в Библии Симона Будного, который старался придерживаться пословной передачи оригинала, пользуясь при этом древнееврейским масоретским текстом:

Быт. 11.28 (וַיָּמָת הָרָן עַל-פְּנֵי תְּרַח אָבִיו בְּאֶרֶץ מוֹלְדָּתוֹ) –

Bud. Y umarł Haran przed obliczem Theracha oycy swego / w ziemi narodzenia swego¹;

Быт. 31.3 (שׁוּב אֶל-אֶרֶץ אֲבוֹתַי) –

Bud. Y rzekł Jehowah do Jaakoba: wróć do ziemie oycow twoich.

В этом переводе отсутствует слово *ojczyzna*, однако оно есть в соответствующих стихах Радзивилловской (Брестской) Библии:

Radz. I umarł Aran pierwej niż Tare, ociec jego w ojczyźnie swojej;

Radz. Tedy Pan rzekł Jakubowi: Wróć się do ojczyzny.

Любопытно, что в этом случае переводчики Радзивилловской Библии, среди которых были французы по происхождению, интерпретировавшие исходный масоретский текст с позиций богословской системы Жана Кальвина, в чем их обвинял, в частности, Будный (см., например, Pietkiewicz 2003: 235), не руководствовались французским оригиналом. В переводе Кальвина (Calv.) в рассматриваемых позициях представлены соответствующие древнееврейскому оригиналу конструкции *la terre de sa nativité* (Быт. 11.28) и *au pays de tes peres* (Быт. 31.3).

Слово *ojczyzna* появляется и в других, кроме Радзивилловской Библии, полных печатных переводах Ветхого Завета, вне зависимости от того, пользовался ли создатель перевода готовым текстом или переводил самостоятельно. Мы наблюдаем его в Библии Леополиты, первом

¹ Здесь и далее при цитировании библейских переводов XVI в. используется транскрипция типа В (сохранен старопольский язык с применением современной орфографии и пунктуации)

польском издании полного текста священной книги, при создании которого, по одной из версий, издатель Миколай Шарфенберг взял готовый рукописный текст Библии XV в. и поручил его отредактировать преподавателю Ягеллонского университета Яну Ничу Леополите. В этом издании следующим образом выглядит стих Быт. 31.13 (קום צא מן-הארץ): (הואת ושוב אל-ארץ מולדתך):

Leop. Y tak teraz wstań a wynidz z tej ziemie / y wroć syę do oyczyzny twoiey.

Слово *ojczyzna* встречается и в тексте Якуба Вуека, который переводил, используя латинский, греческий и древнееврейский тексты, однако здесь в масоретском оригинале присутствуют другие лексемы. Это, во-первых, מקום, слово, также имеющее чрезвычайно широкое значение 'место обитания человека; город, земля, регион; местность; пространство, расстояние' (Blue letter Bible. Electronic resource 2):

Быт. 30.25 (שְׁלַחֲנִי וְאַלְכָה אֶל-מְקוֹמִי וְלֶאֱדָרְי) –

Wuj. Puść mię, abych się wrócił do ojczyzny i do ziemie mojej, а также מולדת 'родня, рождение, потомство, родственники, обстоятельства рождения, рожденная, потомство, потомство женского пола' (Blue letter Bible. Electronic resource 3):

Есф. 2.20 (אֵין אֶסְתֵּר מְנַחַת מוֹלַדְתָּהּ וְאֶת-עַמָּהּ) –

WujA Ester jeszcze była nie oznajmiła ojczyzny i narodu swego.

Используя слово *ojczyzna*, переводчики в некоторых случаях допускали неточности. Например, в Радзивилловской Библии (Руф. 4.10) оно переводит синтагму מִן שַׁעַר מְקוֹמוֹ 'из ворот его места'. В данном случае ничто не указывает на возможность употребления рассматриваемой лексемы, за исключением, возможно, общего контекста:

Radz. Ktemu i Rutę Moabitkę, żonę Mahalonowę, dostałem dziś za żonę sobie, abym wzbudził imię zeszłego w dziedzictwie jego, iżby nie zginęło imię onego umarłego między bracią jego i w ojczyźnie jego.

В отличие от брестских переводчиков, Симон Будный перевел этот фрагмент точно, ср. его перевод:

Bud. Ruth Moawitję żonę Machlonowę otrzymałem sobie za żonę / abym podniósł imię zmarłego, а dziedzictwo jego, aby nie zginęło imię zmarłego z bracy jego / y z brony mieysca ie^o,

где *brona* (*brana*, *brama*) имеет значение 'вход в окруженный крепостными стенами город или другие защищенные места' (SPXVI. Wersja elektroniczna 2).

У Якуба Вуека также в Книге Руфь (1.6) слово *ojczyzna* использовано во фрагменте, где ничто не указывает на необходимость его употребления, ср.:

Wuj. I wezbrała się, aby szła do ojczyzny z obiema niewiastkoma swemi z kraju Moabickiego,

поскольку в данной позиции стоит форма **הָשִׁב** глагола **שׁוּב** ‘возвращаться/разворачиваться’ (Blue letter Bible. Electronic resource 4).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что первое значение слова *ojczyzna*, связанное с обозначением места рождения человека, но, скорее, не страны происхождения, полностью соответствует семантике масоретского текста, отражающего древние представления социума, где еще не выработалось понятие родины, соответствующее современному представлению не просто о месте, но именно о стране, государстве, где человек родился. Принято, однако, считать, что тогда же, в XVI в., в польском языке у слова *ojczyzna* возникает и значение ‘родная страна, государство, где человек родился’ под влиянием лат. *patria*, что является основой вывода о том, что „это очередная ситуация, когда наш [польский – А.К.] этнический способ категоризирования действительности был модифицирован инкорпорированными концептами” [перевод мой – А.К.] (Legomska 2010: 122).

Однако приведенные примеры переводов текстов Ветхого Завета не позволяют нам сделать вывод о том, что в это время формировалось понятие родины в его современном понимании, то есть как представление о стране, в которой человек родился. Скорее, его формирование происходило при участии текстов Нового завета, где слово *ojczyzna* переводило греч. *πατρίς* / лат. *patria*. Безусловно, на это влияла общая новозаветная философия, которая в большой степени была обусловлена эллинистическими идеями, поскольку „книги Нового Завета были написаны в эллинистической среде” (Мен’ 2002: 459). Именно в эпоху эллинизма происходит главный сдвиг в мышлении представителей греческого этноса, который „заключается в переносе ценностного акцента с конкретного полиса, места рождения и применения гражданских доблестей на всё государство, то есть пространство распространения единой культуры” (Guzenina 2012: 189), и, кроме того, родина в этой парадигме „предполагает наличие общества, вышедшего из первобытного состояния, способного к логическому мышлению” (Čikaeva 2019: 135).

Это становится особенно очевидным в известных евангельских фрагментах, где говорится о том, что нет пророка в своем отечестве, и в этом смысле показательным является стих Евангелия от Марка (ὅτι οὐκ ἔστιν προφήτης ἄτιμος εἰ μὴ ἐν τῇ πατρίδι αὐτοῦ καὶ ἐν τοῖς συγγενεῦσιν αὐτοῦ καὶ ἐν τῇ οἰκίᾳ αὐτοῦ (Мк. 6:4)), в котором проводится градация от общего (большой, родины, страны) к частному (малой родине):

Leop. Jż nie iest Prorok bez uczciwości / chyba w oyczyźnie swoiey /

y w domu swoim / y między rodziną swoją.

Radz. Żaden prorok nie jest beze czci, chyba w ojczyźnie swojej, a między krewnymi i w domu swoim.

Bud. NT Iż nie jest prorok beze czci / chyba w ojczyźnie swej, a między krewnymi i w domu swem.

Wuj. Iż prorok nie jest beze czci, chyba w ojczyźnie swojej i w domu swoim a między rodziną swoją.

Почему именно эти фрагменты следует считать наиболее показательными? Если в приводимых выше цитатах из Ветхого Завета представлено локальное понимание *ojczyzny*, она рассматривается как место, преимущественно место возвращения, то здесь, благодаря евангельскому контексту, перед нами предстает именно социальное понятие, родина метонимизируется через людей, населяющих определенную территорию. А как отмечал еще Станислав Оссовски, „Родина – это не географическое понятие, которое можно охарактеризовать, не обращаясь к психологическим основам какой-либо общности. Территория становится родиной лишь постольку, поскольку существует человеческая группа, которая определенным образом относится к ней и определенным образом формирует ее имидж. Тогда для этой группы этот фрагмент внешней реальности приобретает специфические качества, делающие его родиной” [перевод мой – А.К.] (Ossowski 1946: 156).

Следует отметить, что и *Slownik staropolski* (SStp V 1965–1969: 548–550) в качестве большинства примеров данного значения приводит цитаты из различных источников, которые отсылают к текстам Нового Завета.

Таким образом, можно полагать, по данным библейских переводов, что современное понимание родины в польском языке действительно начинает формироваться в XVI в., причем на это формирование влияют неавтохтонные идеи, идеи, порожденные греко-римской цивилизацией и нашедшие отражение в текстах Нового Завета.

3. Переводы Священного Писания на церковно-славянский язык

Если польские переводы Библии, по крайней мере, в большинстве своем, создавались непосредственно в ту эпоху, когда из печати вышли содержащие их книги, то с Острожской Библией дело обстояло совершенно иначе. В это время на востоке ареала *Slavia Orthodoxa* осуществлялась систематическая книжная справа, результатом которой стало издание

Иваном Федоровым печатной Острожской Библии (1580–1581). Эта Библия представляла собой исправленное издание Геннадиевской Библии (1499) – первого полного свода библейских книг, ставшего основой кириллических печатных изданий Ветхого и Нового Заветов на восточнославянских землях. Книги Геннадиевской Библии сверялись с оригиналами, которые удалось доставить в Острог. Правщики имели в своем распоряжении древнееврейские, греческие и латинские тексты, но поскольку издание Ивана Федорова предназначалось для православных, исходными были греческие оригиналы. В основу большей части ветхозаветных книг и Геннадиевской, и Острожской Библий положены мефодиевские и околемефодиевские переводы, сделанные с Септуагинты (LXX), то есть тексты, относящиеся к самому раннему периоду славянской книжной культуры – периоду возникновения первого литературного языка славян.

Возникновение соответствующего современному понятия родины в русском языке, которому в письменной практике предшествовал церковно-славянский язык, традиционно, как и в случае с польским языком, относят к XVII в. (Bartmiński, Sandomirskaja, Telija 1999: 28, см. также Telija 1999). Не следует, однако, забывать о существовании в церковно-славянском слов *отечество* / *отечествие*, которые уже в старославянских памятниках узкого канона (X в.) обладали двумя значениями: не только ‘род, семья’, но ‘отечество, родина’ (SS 437), приняв их от греч. πατρίς, ср. Мк 6.4:

Маг. несть пророкъ бештъсти тѣкмо въ своемъ отъчѣствѣи.

Соответствующие фрагменты обнаруживаем и в Острожской Библии:

Ostrog. нѣсть пр(о)ркѣ безчѣсти, токмо въ ѿтѣчѣствѣи свое^м,

что, безусловно, роднит эти тексты с польскими переводами, где, как уже говорилось, слово *ojczyzna* также появилось как перевод греч. πατρίς / лат. *patria*, однако в случае церковно-славянского языка история возникновения термина удлинняется на полтысячелетия. Здесь следует, однако, отметить, что, по данным „Словаря русского языка XI–XVII вв.” слово *отъчѣствѣи* / *отечествѣи* в рассматриваемом значении, получив первую фиксацию в XI в. (*Остромирово Евангелие* (1057 г.)), исчезает на долгое время и следующий раз появляется только в XVI в. (*Житие Александра Невского*); аналогичным образом слово *отъчѣство* / *отечество*, отмеченное в том же XI в. (*Изборник Святослава* (1073 г.)), вновь появляется лишь в *Никоновской летописи* (1526–1530 гг.) (SIRÂ XI–XVII 1987: 238). Примечательно также, что первые фиксации названных слов – это переводы греч. πατρίς, и только примеры XVI в. представляют оригинальные тексты, что позволяет сопоставить начало формирования этого понятия в церковно-книжном языке православных

славян с тем, что мы наблюдаем в польском языке.

В основе переводов Ветхого Завета, представленных в Острожской Библии, лежит греческий текст LXX, однако в них слова *отъчъство* / *отечество* переводят иную греческую лексему, однокоренную с названной выше, *πατριά*, которая имеет значение ‘племенная ветвь, род’ (Dvoreckij 1958: 1270), ср. также дефиницию ‘отцовская линия’ (Taylor 2009: 428). Эта традиция также начинается с текстов узкого канона, см., например, в древнейшем переводе ветхозаветного текста – Синайской Псалтири (וַיִּשְׁתַּחֲוֶה לְפָנָיו כָּל־מִשְׁפָּחַת גּוֹיִם; καὶ προσκυνήσουσιν ἐνώπιόν σου πάντες αἱ πατρίαι τῶν ἐθνῶν (Пс. 21 (22).28):

Sin. поклонѣтъ сѧ прѣдъ нимъ всѣ отъчъства ѧзычѣѧ.

Такой же фрагмент обнаруживаем в Острожской Библии:

Ostrog. – и поклонатсѧ пре(д) ни^М всѧ ѿчѣствѣѧ ѧзыкъ.

Однако в церковно-славянском Ветхом Завете, как и в случае с польскими переводами, такие употребления редки, вот несколько примеров:

Лев. 25.10 –

Ostrog. и да ѿидеть кождо васъ въ прѣтажаніе свое, и кождо въ ѿч(с)тво свое ѿидеть;

Лев. 25.41 –

Ostrog. и да идетъ роженіе свое, и въ одръжаніе ѿчѣства его да идетъ,

Иез. 23.13 –

Ostrog. облочени многообразно, подобно къ снѣмъ вавлоньскимъ, халдѣиски земля ѿчѣства ихъ.

В других же случаях, как и в польских переводах, церковно-славянский текст представляет дословный перевод конструкции. Например, Быт. 31.3 אֶרֶץ אֲבוֹתַי ‘в землю твоих отцов’, представленное в LXX как εἰς τὴν γῆν πατρός σου ‘в землю отца твоего’ получило следующий перевод:

Ostrog. възвратисѧ въ землю ѿца твоего.

Обращает на себя внимание тот факт, что приведенные фрагменты являются инновацией Острожской Библии по сравнению с Геннадиевской, в которой в рассматриваемых стихах отсутствует слово *отечество*, ср., например, отрывки из Книги Левит:

Gen. знаменіе то буде^Т ва^М и да ѿиде^Т коиж(д)о ва^С впрѣтажаніе свое и кож(д)о вож(д)еніе свое ѿидеть;

Gen. и да иде^Т в роженіе свое и въ ѿдержаніе ѿче да иде^Т,

то есть, слово *отечество* было внесено правщиками XVI в., что может свидетельствовать о росте его употребительности именно в это

время, что коррелирует с теми представлениями, которые мы наблюдали в случае польского языка. Однако утверждение, что эволюция этого понятия родины в польском и русском языке идет схожим путем, будет верно лишь отчасти. И дело не только в том, что выражающие это понятие слова появляются уже на раннем этапе развития церковно-славянской книжности, а в том, что русский язык не является непосредственным наследником языка церковно-славянского. Как пишет Никита И. Толстой о сосуществовании этих двух языков, „существовавшие в России до XVIII в. диглоссия, т. е. функционирование двух языков, находящихся в дополнительном распределении, и двуязычие, т. е. употребление двух языков в одной и той же сфере, было в XVIII в. заменено достаточно сложной и в то же время богатой возможностями системой стилей” (Tolstoj 2002: 80), которая легла в основу письменной и устной формы литературного языка, причем этот переход осуществился в конце XVIII – нач. XIX вв. И именно в это время у иного слова – *родина*, первое употребление которого фиксируется в конце XVI в., но лишь в значении ‘место, где кто-то родился’ (SIRÂ 2004: 184) начинает формироваться значение ‘страна, где родился человек’. Принято считать, что этот лексико-семантический вариант впервые встречается у Гаврилы Р. Державина (см. примечание Олега Н. Трубачева в словаре Макса Фасмера (Vasmer 1987: 491)), однако Национальный корпус русского языка приводит и иные примеры конца XVIII в., которые можно рассматривать подобным образом, например: *Мы с г. Лотуром довольно посмеялись на щет Вашей аксиомы. Она для него очень трудна показалась. Наконец, решил он натурально: женищины-де в холодном климате по мере сил, которые им придает стужа, делаются способнее к сохранению и к питанию природной своей горячности. На основании этого принципа г. Лотура я делаю следующее несомненное заключение: я нисколько не сомневаюсь, что Вы в свою очередь наберетесь на родине прежних сил, которые были почти уничтожены и подавлены в южном климате...* [А. М. Шумлянский. Письмо И. В. Рущкому (1781)] (NKRÂ. Elektronnyj resurs).

Третье же слово, участвующее в формировании понятия родины в русском языке, *отчизна*, традиционно квалифицируется как польское заимствование (Šanskij i dr. 1971: 319), появившееся в XVI в., появляется в русском языке достаточно рано – в Тверской летописи оно фиксируется под записью за 1094 г., однако в значении ‘удельное княжество’, а уже в значении ‘отечество, родина’ появляется в текстах с началом XVII в. (SIRÂ XI–XVII 1988: 64). В церковно-славянских текстах это слово не выступало.

Таким образом, в системе русского языка возникают три обозначения того же самого понятия, что необходимо приводит к их разграничению, при этом *отечество*, по мнению исследователей, выступает как политическая категория, *родина* же претендует на представление категории духовной (см., в частности, Vorkašev 2015).

4. Перевод Священного Писания Франциска Скорины

Особое место среди рассматриваемых переводов занимает *Библія руска* Франциска Скорины (1517–1519), которая стала раннепечатным изданием у восточных славян. Возникшая в поликонфессиональной среде, в том числе под влиянием инноваций протестантизма, Библия предназначалась *богу ко чти и людемъ по(с)политымъ к доброму научению*. Созданный с просветительскими целями перевод книг Ветхого Завета был рассчитан на любого читателя, занимавшегося домашним чтением, а лучшему усвоению текста должны были помочь глоссы и предисловия к книгам, которые Скорина составил без отсылки к какой-либо одной традиции библейской экзегезы. В его предисловиях совмещаются положения византийской патристики и сентенции латинских теологов.

Перевод Франциска Скорины был основан на венецианском издании (1506 г.) чешской Библии (чешского текста Вульгаты) (Vladimirov 1888: 171; Florovskij 1946: 172) при мощном влиянии церковнославянского текста. И хотя большинство исследователей не сомневается, что он имел православную основу (Alekseev 1999: 203), нельзя не принять во внимание единственное сохранившееся высказывание униатского архимандрита Анастазия Антония Селявы, обращенное к православным (1622 г): „Перед унией был Скорина, еретик-гусит, который для вас печатал в Праге книги по-русски” (цит. по: Nemirovskij 1990).

При этом трудно установить, каким оригиналом пользовался Скорина при переводе, поскольку не наблюдается полного структурного совпадения ни с текстом Венецианской Библии, ни с церковно-славянским мефодиевским переводом, представленным в Острожской Библии. Часто наблюдается смешение нескольких версий.

Так, перевод стиха Быт. 31.13 в Библии Скорины выглядит следующим образом:

Skar. – ныне изыди ѿ земли сѧ и навратисѧ до земли роженія твоего

Он лексически совпадает и с церковно-славянской, и с чешской версиями, ср.:

Ven. – nynije wstaniž a wýgdi z ziemie této nawrátie se do ziemie narozeniye swého;

Ostrog. – ннѣ оубо въстани і изыди ѿ земла сѧ, і иди вземлю рождѣніа твоего.

Здесь последняя синтагма всех приведенных версий пословно переводит др.-евр. מולדתך 'в землю рождения' (LXX εἰς τὴν γῆν τῆς γένεσις с тем же значением, ср. также Вульгата *in terram nativitatis tuæ*).

В Библии Франциска Скорины присутствует и слово *отечество*. „Слоўнік мовы Скарыны” определяет его как абстрактное образование от *отец* (Aničëнка 1977: 460), из чего следует, что автор словаря не решился однозначно определить значение этого слова в переводах первопечатника.

По данным словаря, оно встречается трижды, эти стихи приводятся ниже с параллелями из Острожской и Венецианской Библий:

Быт. 10.32 –

Skar. тии суть родовѣ Ноевы полюдохъ иотечествахъ своихъ;

Ostrog. си племена снѣвъ ноевы^х по роду ихъ, по ѧзыкомъ ихъ, въ селехъ и^х и въ страна^х ихъ;

Ven. – tyto czeledi noe podle lidij a národuow swych.

Нав. 18.28 –

Skar. сие е(с) причастие сыновъ Веняминовыхъ поотечествахъ ихъ;

Ostrog. сѧ причастіе снѣвъ венѧминъ по сонми^м ихъ;

Ven. tot' wládarzstwije synuow Benyamin podlé czeledij gich.

1 Цар. 10.21 –

Skar. и постави все колъно Вениаминово подомомъ отечества и(х);

Ostrog. и вънесе хоруговъ венѧминю вколена;

Ven. y zrzyedl ge pokolenie Benyaminowa a czeledi gich.

Во всех этих случаях действительно речь идет о родовых отношениях, что поддерживается также значением оригинальной лексемы – מִשְׁפָּחָה 'клан, семья, племя, люди, нация, гильдия, аристократия' (Blue letter Bible. Electronic resource 1), так что определение словаря кажется подходящим. Обращает на себя внимание то, что здесь практически отсутствует соответствие между переводом Скорины и текстами тех Библий, которые он, как небезосновательно утверждается, активно использовал в своем переводе. Это означает, что белорусскому первопечатнику слово *отечество* было известно также из иного, помимо библейского текста, источника, например, Паримийника или Четых-Миней. Обращает, кстати, внимание на то, что исторический словарь белорусского языка в качестве демонстрации первого употребления слова *отечество* приводит пример из сборника Четых-Миней 1489 г. (GSBM 23 2003: 89).

Единственное соответствие между переводом Скорины и церковно-славянским текстом обнаруживается в уже рассмотренном выше фрагменте Псалтыри (21.28):

Skar. – и поклонатса предним вса отечества язык.

Этот фрагмент интересен тем, что здесь, как уже говорилось, представлен старославянский перевод узкого канона, появившийся в первый раз в глаголическом тексте Синайской псалтыри и в практически неизменном виде попавший в церковно-славянский текст – в Геннадиевскую, а затем и Острожскую Библию. Безусловно, Скорина не использовал эти версии, но приведенный выше стих является еще одним свидетельством того, что он старался не изменять общеизвестные, представленные в церковном обиходе фрагменты. Это можно, например, наблюдать при переводе Книги Екклесиаста – хотя весь текст соответствует переводу Венецианской Библии, вместо слова *marnost* Скорина использует церковно-славянское *суета*. Однако, по данным исторического словаря белорусского языка, именно первая из лексем не была чужда жителям этих земель, встречаясь в текстах с конца XV века. Памва Берында в своем лексиконе (*Лексикон славенороскій именъ толкование (1653)*) даже использует *марность* как более понятное в словарной статье *суета*: *Суета: Марность^s, нікчемность, порожность...* (GSBM 17 1998: 263). Использование слова *отечество* в приведенном выше примере служит еще одним подтверждением этого положения.

Как и в других переводах, у Скорины рассматриваемое слово в текстах Нового завета используется в значении ‘отечество, родина’, однако по понятным причинам – отсутствие переводов других новозаветных книг – мы можем найти его только в Апостоле:

Еф. 3.15 – изънегоже всако отечество нанебеси, и на земли именуется,

Евр. 11.14 – отечества собѣ възыскають.

В первом случае и в церковно-славянском тексте, и в чешском переводе стоит соответствующая лексема – *отечество*, *otczowstwo*. Во втором случае в Венецианской Библии присутствует слово *wlaft* ‘страна’, что указывает на то, что белорусский первопечатник понимал *отечество* и как малую родину, и как целую страну рождения человека. Это следовало бы отметить в словаре языка Скорины, а также в историческом словаре белорусского языка указать, что слово *отечество* в значении ‘страна рождения человека’ присутствовало не только в сборнике миней 1489 г. (GSBM 23 2003: 89), но и у Скорины.

Если говорить о семантической структуре слов, нельзя не обратить внимание на использование Скориной слова *родина*. GSBM указывает

для него в качестве первого и основного значения ‘семья, родня’ и только в качестве второго, позднейшего ‘родина’ (хотя и тут могут быть сомнения) (GSBM 30 2010: 140). Для первого значения в качестве наиболее ранних примеров приводятся, среди прочих, скорининские переводы стихов, в частности, из Книги Есфири (гл. 16):

Есф. 16 – тои самъ онже былъ вымыслилъ и вса родина его повешены
суть нашибеницахъ,

Подобную лексему находим и в Венецианской библии:

Ven. – on kteryžto puofoobil: y wffeczna geho rodina wiřýt na řřybeniczy.

Можно также привести пример Быт. 24.40:

Skar. – и поимеши жену сыну моему ѡ(т)родины моя;

Ven. – a poymefz řenu řynu memu z rodiny mé,

и Быт. 36.40 –

Skar. – сие суть имена Кназеи Исавлихъ, Породинахъ ихъ,

Ven. – tot gřú gména knijeřat Ezau po rodinach.

При этом слово *родина* в значении ‘семья’ совершенно незнакомо церковно-славянскому языку. GSBM приводит скорининские примеры рассматриваемого слова в этом значении первыми, все остальные появляются значительно позже (конец XVI – XVII вв.). Было бы слишком смело предполагать, что этот лексико-семантический вариант первоначально появляется в переводах Скорины, попадая туда из чешского текста. Поскольку употребляется он достаточно часто, у него есть шанс перейти в другие, позднейшие тексты. Несомненно, однако, его западное происхождение, поскольку из славянских языков он встречается в чешском, польском, украинском и белорусском, причем в польском рассматривается как заимствование из чешского и через него – в белорусский (ĖSBM 14 2006: 28). До Скорины в письменных памятниках это слово не отмечено, поэтому можно говорить о том, что он удачно подобрал существующий в разговорном языке эквивалент, который соответствовал присутствующему в чешском языке слову. Вряд ли можно предполагать обратный путь заимствования, а именно, что так широко распространившееся в белорусском языке слово попало туда из известного лишь немногим скорининского перевода.

Приведенные примеры показывают, что, несмотря на то что перевод, осуществленный Франциском Скориной по целям (домашнее чтение), языку оригинала (чешский и церковно-славянский, а не какой-либо из трех классических языков священной книги) и языку самого текста (гибрид книжного церковно-славянского языка и „простой мовы”), отличался от рассмотренных выше, он укладывается в определенные выше закономерности. Основным фактором сходства является то, что слово

отечество реализуется в его переводах в двух значениях – для обозначения „малой” и „большой” родины. Первый лексико-семантический вариант, как и у остальных переводчиков, представлен в текстах Ветхого завета, второй – в текстах Нового. Отсутствие прямой зависимости от чешской и церковно-славянской версии перевода Священного писания является свидетельством того, что такая семантическая структура рассматриваемого слова была известна уже самому Скорине.

Однако нельзя сказать, что подобное понимание явилось вехой в развитии понятия родины в белорусском языке, поскольку скорининские „идеи формирования белорусского литературного языка нового типа на основе синтеза Кирилло-Мефодиевской традиции и разговорного языка не нашли своей окончательной реализации в истории белорусского литературного языка” [перевод мой – А.К.] (Maščënskaja 2008: 27), и в современном белорусском языке данное понятийное пространство делят три лексемы – *радзіма*, *айчызна* и *бацькаўшчына*.

5. Заключение

Проведенное исследование показало, что реализация концепта родины в его выражении словами *ojczyzna* / *отечествие* / *отечество* в переводах Священного Писания, созданных на территории Речи Посполитой и Великого княжества Литовского, несмотря на языковые и конфессионные различия между ними, обладает рядом сходных черт. Прежде всего, в текстах Нового Завета рассматриваемые слова выступают в значении ‘родная страна, „большая” родина’, что коррелирует с наиболее распространенным в современных языках лексико-семантическим вариантом. Однако более интересным является то, что в текстах Ветхого Завета и переводчики, и правщики (в случае Острожской Библии) используют эти слова в тех случаях, когда их употребление не обусловлено ни оригиналом (там присутствует двухкомпонентная синтагма), ни традицией – *Słownik staropolski* не фиксирует употребления слова *ojczyzna* ни в текстах Ветхого Завета, ни в цитатах из него; слово *отечествие* / *отечество* отсутствует в ветхозаветной (за исключением Псалтири) части Геннадиевской Библии; подобного употребления нет в текстах, которыми мог бы пользоваться Франциск Скорина. Это позволяет высказать осторожное предположение о начавшей возрастать в силу исторических причин частотности употребления рассматриваемых слов в этот период, что склонило переводчиков и правщиков к замене ими в некоторых случаях синтагмы, состоящей из двух компонентов. Безусловно, это

утверждение нуждается в дополнительной верификации, однако нельзя не признать особую роль не только XVIII, но и XVI в. в становлении понятия родины на названной территории.

Литература

- Alekseev Anatolij A., 1999, *Tekstologija slavjanskoj Biblii*, Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Dmitrij Bulanin.
- Aničenka Uladzimir V., 1977, *Sloŭnik movy Skaryny*, Minsk: Vyšėjšaja škola.
- BartByg – *Słownik łacińsko-polski Bartłomieja z Bydgoszczy*, cz. 1, podług rękopisu z r. 1532, oprac. i wyd. Bolesław Erzepki, Poznań 1898.
- Bartmiński Jerzy, 2014, *Polskie rozumienie OJCZYŹNY i jego warianty*, [w:] *Polskie wartości w europejskiej aksjoserze*, red. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska Marta Nowosad-Bakalarczyk, Sebastian Wasiuta, Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński Jerzy, Sandomirska Irina, Telija Veronika, 1999, *Ojczyzna w polskim i rosyjskim językowym obrazie świata*, „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury” 11, 25–49.
- Blue letter Bible. Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon. Electronic resource 1: <https://www.blueletterbible.org/lexicon/h776/kjv/wlc/0-1/>, electronic resource 2: <https://www.blueletterbible.org/lexicon/h4725/kjv/wlc/0-1/>, electronic resource 3: <https://www.blueletterbible.org/lexicon/h4138/kjv/wlc/0-1/>, electronic resource 4: <https://www.blueletterbible.org/lexicon/h7725/kjv/wlc/0-1/>, electronic resource 5: <https://www.blueletterbible.org/lexicon/h4940/kjv/wlc/0-1/> [date of access: 22.09.2023].
- Čikaeva Tatjana A., 2019, *Predstavlenie o Rodine v ělinističeskoj filosofii*, „Manuskript”, 12/9, s. 134–137.
- Dvoreckij Iosif H., 1958, *Drevnegrečesko-russkij slovar'*, t. 2. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovaroj.
- ĖSBM – *Ėtymalagičny sloŭnik belaruskaj movy*, 2006, red. V. U. Martynaŭ i inš., t. 11, Minsk: Belaruskaja navuka.
- Florovskij Antonij V., 1946, *Češskaja Biblija v istorii russkoj kul'tury i pis'mennosti: Francisk Skorina i prodolžateli ego dela*, „Sborník filologický”, XII, s. 153–258.
- Fryckowski Edmund, 1998, *Ojczyzny małe i wielkie*, „Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia z nauk społecznych” 13, s. 105–127. 1998.
- Gałecki Zygmunt, 1982–1983, *Historia wyrażenia język ojczysty*, „Roczniki Humanistyczne”, 31–32/6, s. 43–53.
- Górnicki Łukasz, 1969, *Dworzanin polski*, [w:] Taszycki Witold, *Wybór tekstów staropolskich XVI–XVIII wieku*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, s. 61–68.
- Guzenina Svetlana V., 2012, *Fenomen obraza Rodiny v kollektivnom soznanii arhaičnyh i drevnih obščestv*, „Istoričeskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'”, 3, s. 187–190.
- GSBM – *Gistaryčny sloŭnik belaruskaj movy*, red. Aljaksandr Bulyka, Arkadz' Žuraŭski, vyp. 1–32, Minsk 1980–2012.
- Legomska Julia, 2010, *PAŃSTWO, NARÓD, OJCZYŻNA w dawniej polszczyźnie. Leksykalno-semantyczny opis pojęć*, Katowice: Wydawnictwo UŚ.

- Maščenskaja Ljudmila R., 2008, *Mova perakladaŭ F. Skaryny ŭ perspektyve novaj ruskaj litaraturnaj movy (XVIII st.)* [v:] *Dyjalektalogija i ģistoryja belaruskaj movy (da 80-goddzja Nacyjanal'naj akadëmii navuk Belarusi)*, red. Ljudmila Kuncevič, Minsk: Prava i ěkanomika, s. 21–28.
- Men' Aleksandr, 2002, *Ėllinizm i Biblija*, [w:] Men' Aleksandr, *Bibliologičeskij slovar'*, Moskva: Fond imeni Aleksandra Menja, c. 458–460.
- Nemirovskij Evgenij L., 1990, *Francisk Skorina – žizn' i dejatel'nost' belorusskogo prosvetitelja*, Minsk: Mastackaja litaratura.
- NKRÂ – *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka*. Ėlektronnyj resurs: ruscorpora.ru [data dostupa: 20.11.2023]
- Ossowski Stanisław, 1946, *Analiza socjologiczna pojęcia ojczyzny*, „Myśl Współczesna”, 2, s. 154–175.
- Pietkiewicz Rajmund, 2003, *Pismo święte w języku polskim w latach 1518–1638. Sytuacja wyznaniowa w Polsce a rozwój edytorstwa biblijnego*, Wrocław: praca doktorska.
- Perevoznikova Alevtina K., 2019, *Koncept «rodina» kak sostavljajuščaja nacional'nogo obraza Rossii v russkoj jazykovej kartine mira*, „Koncept: filosofija, religija, kul'tura”, 1(9), s. 54–61.
- Rudenska Alena, 2023, *Беларус, беларускі: гісторыя найменняў айчыны і сучасныя нікаў* (Białoruś, białoruski: historia nazwisk ojczyzny i rodaków), „Studia Białorutenistyczne”, 17, s. 259–275.
- SIRÂ XI–XVII – *Slovar' russkogo jazyka XI– XVII vv.*, red. Stepan Barhudarov i dr., vyp.1–30, Moskva, 1975–2015.
- SPXVI – *Słownik polszczyzny XVI wieku*, red. Maria Renata Mayenowa. Wersja elektroniczna 1: *Słownik polszczyzny XVI wieku – ojczyzna* (spxvi.edu.pl), wersja elektroniczna 2: *Słownik polszczyzny XVI wieku – brona* (spxvi.edu.pl) [data dostępu: 28.09 2023].
- SS – *Staroslavjanskij slovar'* (po rukopisjam X–XI vv.), red. Ralja M. Cejtlin, Moskva: Russkij jazyk, 1994.
- SStp – *Słownik staropolski*, red. Stanisław Urbańczyk i in., t. V, Wrocław–Warszawa–Kraków 1965–1969.
- Šanskij Nikolaj M. i dr., 1971, *Kratkij ětimologičeskij slovar' russkogo jazyka*, Moskva: Prosveščenie.
- Taylor Bernard A., 2009, *Analytical Lexicon to the Septuagint: Expanded Edition*. Peabody: Hendrickson Publishers.
- Telija Veronika N., 1999, *Refleksy arhetipov soznaniya v kul'turnom koncepte „rodina”*, [w:] *Slavjanskije ětjudy. Sbornik k jubileju Svetlany M. Tolstoj*, red. Elena E. Levkievskaja, Moskva: Indrik, s. 466–476.
- Tolstoj Nikita I., 2002, *Cerkvnooslavjanskij i russkij: ih sootnošenie i simbioz*, „Voprosy jazykoznanija”, 1, s. 81–90.
- Uździcka Marzanna, 2016, *O wzorach i sposobach mówienia o ojczyźnie w wybranych tekstach Wielkiej Emigracji*, „Zielonogórskie seminaria językoznawcze I. Zachowanie językowe – spontaniczność i automatyzm”, s. 261–274.
- Vasmer Maks, 1987, *Ėtimologičeskij slovar' russkogo jazyka*, t. 3, Moskva: Progress.
- Vladimirov Petr V., 1888, *Doktor Francisk Skorina, ego perevody, pečatnye izdanija i jazyk*, Sankt-Peterburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk.
- Vorkačev Sergej G., 2015, *Ideja patriotizma v jazykovom soznanii rossijskoj molodeži: socio-lingvističeskoe predstavlenie*, „Vestnik Severo-Osetinskogo gos. universiteta”, 3, s. 190–194.

Wierzbicka Anna, 1999, *Słownik kluczem do historii i kultury. „Ojczyzna” w językach: niemieckim, polskim, rosyjskim*, [w:] *Język – umysł – kultura*, red. Jerzy Bartmiński, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, s. 450–489.

Источники

- Bud. – *Biblia, to iest księgi Starego i Nowego przymierza z nowu z ięzyka ebrejskiego, greckiego, łacińskiego przełożona z predmową S. Budnego, jako tłumacza*, Nieśwież 1570, Zasław 1570–1572.
- Bud. NT – *Nowy testament z nowu przełożony, a na wielu mieiscach za pewnemi dowodami od przysad przez S. Budnego oczyszczony i krótkemi przypiskami po kraiach objaśniony*, Łosk 1574.
- Calv. – *La Bible Française de Calvin: livres des Saintes Ecritures traduits ou révisés par le réformateur tirés de ses oeuvres et accompagnés de variantes d'autres versions du 16e siècle par Edouard Reuss. Tome premier. Livres de L'ancien Testament*, Paris 1897.
- Genn. – *Gennadiewskaja Biblija*, 1499.
- Leop. – *Leopolita*. Faksimile der Ausgabe Krakau 1561, Paderborn etc., 1988.
- Mar. – Jagić Ignatij, *Marińskoe četveroevangelie s primečanijami i priloženijami*, Grac, 1960.
- Ostrog. – *Biblija*, Ostrog 1581.
- Radz. – *Biblia Święta, to iest księgi Starego y Nowego Zakonu własnie z żydowskiego, greckiego i łacińskiego na polski język z pilnością i wiernie wyłożone*, Brześć Litewski 1563;
- Skor. – *Faksimil'nae Źnaŭlenne Biblii, vydadzenaj Francyskam Skarynaŭ Ź 1517–1519 g.g. T. 1–3*, Minsk: Bel. ěncyklapedyja, 1991.
- Sin. – *Sinajskaja psaltry': Glagoličeskij pamjatnik XI v., prigotovil k pečati Sergej Se-ver'janov*, Petrograd, 1922.
- Ven. – *Biblij Czeská W Benátkach tisstěná*, Venezia, 1506.
- Wuj. – *Biblia w przekładzie J. Wujka z 1599 r. Transkrypcja typu B*, Warszawa 2000.

Ojczyzna w przekładach biblijnych XVI wieku, powstałych na terytorium Rzeczypospolitej i Wielkiego Księstwa Litewskiego

Streszczenie: W artykule dokonano analizy pojęcia OJCZYŻNY w przekładach biblijnych z XVI wieku, powstałych na terenie Rzeczypospolitej i Wielkiego Księstwa Litewskiego na język polski – katolicka Biblia Leopolity (1561) i Jakuba Wujka (1599), protestancka Biblia Radziwiłłowska czyli Brzeska (1563), ariański przekład Szymona Budnego (Biblia Nieświeska, 1572) i cerkiewno-słowiański (Biblia Ostrogska, 1580–1581), a także w przekładzie hybrydowym Franciszka Skaryny (1517–1519). Twierdzi się, że pomimo różnic wyznaniowych i językowych tłumaczenia biblijne ujawniają dużą liczbę podobieństw. Podobieństwa te dają podstawy, by sądzić, że w XVI w. stanowił punkt zwrotny w rozwoju pojęcia OJCZYŻNY, natomiast na jego kształtowanie się we współczesnym rozumieniu miały wpływ zarówno teksty Nowego, jak Starego Testamentu, lecz oddziaływały one w różny sposób.

Słowa kluczowe: ojczyzna; tłumaczenia Biblii; XVI wiek; Rzeczypospolita; Wielkie Księstwo Litewskie